

Княгиня Гертруда и русское летописание XI в.*

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Аннотация: Под 6538 (1030) г. во многих русских летописях читается известие о восстании, случившемся в Польше после смерти Болеслава Храброго. Это сообщение неточно датировано и в двух фразах излагает события приблизительно пятнадцати лет. Однако даже такое обращение древнерусских книжников к деталям истории соседней страны представляется значимым феноменом, и заставляет задуматься о том, каким образом сведения о происходящем в Польше попали к историописателям, трудившимся в Киево-Печерском монастыре. В лексическом отношении обсуждаемое известие примыкает к рассказу о восстании волхвов на верхней Волге, помещенному в статье 6579 (1071) г., а также к фрагментам статей 6523 (1015) и 6532 (1024) г., имеющим признаки вставки. Соответственно, запись о событиях в Польше не могла опираться на сведения современников. А. А. Шахматов предполагал, что источником летописи послужило несохранившееся житие Антония Печерского, однако эта гипотеза вызывает ряд вопросов. Также спорной оказывается аргументация В. Д. Королюка, предполагавшего, что летописцы опирались либо на «светскую повесть» о жизни княгини Предславы Владимировны, либо на некий письменный источник польского происхождения. Скорее всего, летописцы последней четверти XI в. почерпнули свои знания из бесед со вдовой киевского князя Изяслава Ярославича (1054–1078, с перерывами), княгиней Гертрудой, происходившей из польской династии Пястов. Данное предположение позволяет расширить наши представления о круге общения печерских летописцев и возможных источниках их осведомленности.

---

* Работа опирается на положения и итоги обсуждения докладов, представленных на заседании Центра источниковедческих исследований и археографии Института истории им. Т. Мантойфеля Польской академии наук и на Летописном семинаре Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор глубоко признателен участникам состоявшихся дискуссий за критику и рекомендации.

Ключевые слова: текстология, древнерусское летописание, XI в., Русь и Польша, князь Изяслав Ярославич, княгиня Гертруда

Dmitriy A. Dobrowolski
Princess Gertrude and Rus Chronicle Writing of the 11th Century

Abstract: At the year 6538 (AD 1030), the entry on an uprising occurring in Poland after the death of King Boleslav the Brave reads in many Rus chronicles. This entry is inaccurately dated and shortens the events of about fifteen years to as little as two phrases of text. However, even such a reference of Old Rus bookmen to details of the history of a neighbouring country seems to be a significant phenomenon, and makes us wonder how the information about the events in Poland could reach the historiographers based in the Kievan Cave Monastery. From the lexicological point of view the entry in question is close to the entry on pagan uprising on the upper Volga, found at the year 6579 (AD 1071), and to fragments of entries for 6523 (AD 1015) and 6532 (AD 1024), which show signs of interpolation. Accordingly, the entry on the Polish uprising could not be based on the information of contemporaries. A. A. Shakhmatov suggested that the source of the chronicle was the now lost life of St Anthony of Pechersk, but this hypothesis raises a number of questions. Also controversial is the argument of V. D. Korolyuk, who assumed that the chroniclers relied either on a 'secular narrative' about the life of Princess Predslava Vladimirovna, or on some written source of Polish origin. Most likely, chroniclers of the last quarter of 11th century had got their knowledge from conversations with the widow of Kievan Prince Iziaslav Yaroslavich (1054-1078, with interruptions), Princess Gertrude, originated from the Piast dynasty of Poland. This hypothesis allows us to expand our ideas about the circle of communication of the early Rus chroniclers and possible sources of their awareness.

Key words: textual criticism, Old Rus chronicles, 11th century, Rus and Poland, prince Iziaslav Yaroslavich, princess Gertrude

For citation: *Добровольский Д. А.* Княгиня Гертруда и русское летописание XI в. // Graphosphera. 2024. Т. 4. № 1. С. 26-43. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2024-4-1-26-43>

DOI: 10.32608/2782-5272-2024-4-1-26-43

© Д. А. Добровольский, 2024.

Под 6538 (1030) г. в ряде русских летописей, включая Лаврентьевскую, Радзивиловскую и Ипатьевскую, которые сохранили до нас текст «Повести временных лет» (далее: ПВЛ), читается известие о восстании, случившемся в Польше после смерти Болеслава «Великого», или, по польской традиции, Храброго:

В се же время умре Болеславъ Великий в Лясьхъ. И бысть мятежь в земли Лядьскъ: вставше людье избиша епископы, и по-

пы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149–150; ср.: Т. 2. Стб. 137. Т. 4, ч. 1. С. 113. Т. 6, вып. 1. Стб. 176. Т. 9. С. 79. Т. 38. С. 64–65 и др.).

Сообщение книжника не вполне точно. Болеслав Храбрый умер не в 1030, а в 1025 г. Дата мятежа указана тоже приблизительно. По одним оценкам, первые выступления против клира и знати начались в Польше еще при жизни знаменитого правителя, в 1022 г. (Borawska 2013. S. 41–51), а наибольшего размаха достигли в 1034 г. (Ibid. S. 138–144), по другим – мятежи происходили с 1031 по 1038 г. (Labuda 2008. S. 75–92). Иными словами, две фразы летописного текста, привязанные к – по сути – случайной дате, конспективно излагают события приблизительно пятнадцати лет.

Автор обсуждаемой записи сознавал ее недостатки. Во вводном обороте он использовал не определенный термин *лѣто* (*в се же лѣто*, или, как в другой записи того же года по версии Лаврентьевской летописи, *в семь же лѣтѣ*), а расплывчатое *время*, которое может охватывать весьма широкий хронологический промежуток. Связь между двумя утверждениями (умер Болеслав, началось восстание) реализуется с помощью наиболее частотного и наименее обязывающего союза *и*. Правда, в Ипатьевском списке имя Болеслава стоит в дательном падеже, а *умре* исправлено на *умершу* («умершу Болеславу Великому в Ляхъхъ, и бысть мятежь великъ...»). Получившийся оборот «дательный самостоятельный» можно понимать как указание на одновременность и/или причинно-следственную связь кончины правителя и мятежа, а соответственно и претензию на некоторую строгость. Однако это чтение является уникальной чертой собственно Ипатьевского списка летописи, тогда как уже наиболее близкие к последнему Хлебниковский и Погодинский подтверждают приведенное выше чтение Лаврентьевской («умре Болеславъ Великий» – ПСРЛ. Т. 2. Стб. 137, примеч. 13, 14). Видимо, прямая связь между смертью Болеслава и мятежом была додумана непосредственно переписчиком Ипатьевского в первой четверти XV в., а летописцы более раннего времени ограничивались простым перечислением известных им событий.

Вместе с тем, даже конспективное изложение событий в Польше представляется значимым феноменом. Древнерусские книжники XI–XIII вв., зная карту населенного мира в целом и при необходимости интерпретируя ее в глобально-эсхатологическом ключе¹, редко интересо-

---

¹ Ср., например, рассуждения о происхождении половцев в статье 6604 (1096) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234), в XIII в. приспособленные к характеристике татаро-монголов (Там же. Стб. 445–446).

вались деталями – повседневными делами и частностями политики других государств. Каждое исключение из данного правила заслуживает особого внимания. Когда же и в каких обстоятельствах могла появиться процитированная запись?

Помимо уже упомянутых Лаврентьевской, Радзивиловской и Ипатьевской становление летописного рассказа о событиях 1030–1040-х гг. можно исследовать на основании Новгородской I (прежде всего, младшего извода), Новгородской Карамзинской, Новгородской IV и Софийской I летописей. При этом, если в Новгородской I древний текст за вторую четверть XI в. сохранился отрывочно, то Новгородская Карамзинская и сходные с ней могут содержать на указанном отрезке фрагменты, восходящие не к ПВЛ, а к предшествующему ей Начальному своду конца XI в. (Гимон 2012. С. 660–675). Изучение всего доступного материала показывает, что сообщение о смерти Болеслава и народном восстании «в земли Лядьске» вписывается в серию из девяти известий, так или иначе связанных с Польшей и прилегающими к ней регионами, хотя и не касающихся в большинстве своем внутреннего положения соседней страны (табл. 1).

Такой «куст» тематически близких известий возник в летописи не случайно. Социальный кризис, охвативший державу Пястов в 20–30-е гг. XI в., наложился на династический конфликт сыновей Болеслава Храброго. При этом один из претендентов на престол в какой-то момент оказался изгнан на Русь (разные изложения событий: Головки 1988. С. 36–37; Labuda 2008. S. 65–68; Borawska 2013. S. 68–72). Сама Русь, в свою очередь, имела к Польше территориальные претензии, стремясь закрепить за собой т.наз. червенские города – группу населенных пунктов в верхнем течении Сана и Западного Буга, подчинение которых стало целью походов русских войск на запад, предпринятых в 1030 и 1032 гг. и увенчавшихся не только присоединением спорных территорий, но и захватом многочисленных пленных (известия об этих походах занимают в табл. 1 строки 1 и 3). Восстановление порядка при внуке Болеслава Казимире также оказалось невозможным без участия Рюриковичей, как минимум в качестве союзников в борьбе с отложившейся от центральной власти Мазовией (ср. табл. 1, строки 6 и 9), а возможно и гарантов общей стабильности возрождающегося государства (Головки 1988. С. 42). Переход от противостояния к союзу, пришедшийся на период единоличного княжения Ярослава Мудрого (1036–1054), был закреплен двойным браком – русская княжна Мария-Добронегга была выдана замуж за Казимира, а сестра Казимира Гертруда вышла за сына Ярослава, Изяслава (ср. табл. 1, строки 7 и 8). Более того, одним из условий союза стало возвращение людей, захваченных Болеславом во время похо-

да на Киев в 1018 г. («И вѣсть Казимиръ за вѣно людии 8 сотъ [еже бо полонилъ Болеславъ, победив Ярослава]»). В итоге, на Руси должно было появиться немало людей, осведомленных о событиях в Польше и перипетиях русско-польских отношений. И каждый из них – будь то участники завоевательных походов и пленные с обеих сторон, будь то организаторы союзов и свадеб – теоретически мог выступить в роли информатора любого из книжников-историописателей, включая и составителя т.наз. древнейшего ядра летописного нарратива, чью деятельность многие исследователи, начиная с А. А. Шахматова, связывают с концом 30-х – началом 40-х гг. XI в. (Шахматов 2002–2003. Кн. 1. С. 281–282; новейшая версия гипотезы: Михеев 2020. С. 207–209).

Однако А. А. Шахматов полагал, что известие 6538 (1030) г. о восстании в Польше не может быть отнесено к самому раннему слою летописного рассказа, и не включал рассматриваемую запись в реконструированный текст «Древнейшего киевского свода 1039 г.» (Шахматов 2002–2003. Кн. 1. С. 401). Специальной аргументации данного утверждения в трудах исследователя нет; позднее происхождение части статьи 6538 г. подразумевается в рамках более общей гипотезы об использовании летописцами конца XI или даже начала XII в. несохранившегося жития Антония Печерского (Там же. Кн. 1. С. 186–187; Кн. 2. С. 165–166). В то же время, обсуждаемый тезис может быть доказан и независимо от реконструкции недошедшего до нас жития.

Описывая действия мятежников, книжник воспользовался сочетанием *въставше ... избивша*. Кроме статьи 6538 (1030) г. такая (или примерно такая) пара глаголов используется в повествовании о событиях XI в. трижды:

- в рассказе о конфликте Ярослава с новгородцами под 6523 (1015) г.: «*въставше* новгородци *избивша* варягы во дворъ Промони» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140);
- в сообщении о восстании волхвов под 6532 (1024) г.: «*въсташа* волъсви в Суждали, *избиваху* старую чадъ къ дьяволу наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко „си держать гобино“» (Там же. Стб. 147);
- в одном из рассказов о волхвах статьи 6579 (1071) г.: «бывше бо единою скудости в Ростовьстѣи области, *встаста* два волхва от Ярославля, глаголюща, яко „въ свѣвъ, кто обилье держить“. <...> И *убивашета* многы жены, [и] имъне ихъ отимашета собѣ. <...> В се же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину, повѣдаша ему бѣлозерци, яко „два кудесника *избила* уже многы жены по Волъзь и по Шекенѣ

и пришла еста съмо» (Там же. Стб. 175; курсивы во всех трех цитатах мои. – Д. Д.).

При этом,

- цитированная фраза из статьи 6523 г. читается только в летописях, содержащих ПВЛ, тогда как в Новгородской I, сохранившей более раннюю версию текста, о тех же событиях сказано: «ркоша новгородци: „сего мы насилья не можемъ смотрити“; и собращася в ночь, иськоша варягы в Поромонь дворъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 174; ср. реконструкцию в Михеев 2011. С. 240);
- сообщение 6532 г. о волхвах в Суздале разрывает повествование о подготовке к битве на Листвене, выглядевшее, вероятно, следующим образом: «Ярославу суцю Новьгородъ, приде Мьстиславъ ис Тьмутороканя Киеву, и не прияша его кыяне. Он же шедъ съде на столъ Черниговъ, Ярославу суцю Новьгородъ тогда. И посла за море по варягы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147, 148 с незначительными исправлениями; ср. реконструкцию раннего текста в Михеев 2011. С. 244; ср. также: Михеев 2020. С. 188–189).

Иначе говоря, использование пары *въстати* – *избити* в повествовании о событиях первой половины XI в. может трактоваться как лингвостилистический признак интерполяций², сделанной книжником, работавшим не ранее 1071 г., а скорее всего и позже³. Но если известие 6538 г. записано не современником событий, а летописцем конца XI столетия, то возникает вопрос о посредниках, на сведения которых мог опереться книжник, не заставший мятежа в Польше лично.

Как уже было отмечено, А. А. Шахматов считал, что опорой летописцу послужил письменный текст – гипотетическое житие Антония

---

² Методика текстологического расслоения летописи на основе «лингвистических маркеров» описана в: Михеев 2011. С. 61–98. Впрочем, в «каталоге маркеров», приложенном к монографии С. М. Михеева, сочетания *въстати* – *избити* (*въставъше ... избивша*) нет (Там же. С. 166–199). В одной из новейших работ по текстологии летописания С. М. Михеев относит известие 6538 (1030) г. к «Древнему сказанию» 40-х гг. XI в. (Михеев 2020. С. 206).

³ Ключевой фигурой истории о ярославских волхвах выступает боярин князя Святослава Ярославича Янь Вышатич. По мнению многих исследователей (ср., напр.: Гишпиус 2012. С. 57) это тот же самый Янь, чью смерть «в старости мастить» один из книжников зафиксировал под 6614 (1106) г., сопроводив известие характерной припиской «от негоже и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в льтописаньи семь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281). А. А. Гишпиус отмечает, что сообщение о кончине Яня не обязательно находилось в основной части очередного летописного свода: оно могло входить в «анналистическое продолжение» труда, составленного ранее 1106 г. Но в любом случае книжник, упомянувший о личном знакомстве с Янем, должен был принадлежать к поколению рубежа XI–XII вв.

Печерского. Среди учеников и соратников Антония, ставших первыми насельниками Киево-Печерского монастыря, был некто Моисей Угрин, в юности дружинник князя-мученика Бориса Владимировича (и брат убитого вместе с Борисом отрока Георгия). Согласно Слову о преподобном Моисее, которое включено в состав Киево-Печерского патерика и ссылается на житие Антония, будущий монах скрылся от подосланных к Борису убийц, пришел в Киев к сестре Бориса княгине Предславе, вместе с ней попал в плен к Болеславу Храброму, сделался в Польше объектом страсти одной богатой дамы из окружения Болеслава, но в конце концов смог бежать именно благодаря восстанию, описанному в статье 6538 г. (ДП 1999. С. 48–53). При этом причины и ход народных волнений излагаются в Слове о Моисее почти теми же словами, что и в летописи: «во едину ночь напрасно Болеслав умре, и бысть мятеж велик по всей Лядской земли, и воставше же людие избиша епископы своа и бояры своя». Вероятно, заключал А. А. Шахматов, как в патерике, так и в летописи использован общий источник, и этим источником было недошедшее до нас житие.

Доказательства ученого строятся на сочетании двух наблюдений. С одной стороны, А. А. Шахматов отметил, что для летописца не было смысла конструировать искусственную связку между смертью Болеслава Храброго и мятежом. Напротив, в агиографической традиции польский правитель предстает своего рода вождем темных сил, внезапная смерть которого ожидаемым образом запускает цепочку событий, приводящую к счастливой развязке сюжета – возвращению Моисея на Русь. Если же в летописи, в отличие от жития Антония и патерика, логичная «связь» оказалась «случайной и необъяснимой», то значит под 6538 г. помещена оторванная от своего контекста выписка из жития (ср.: Шахматов 2002–2003. Кн. 1. С. 186–187). С другой стороны, продолжал А. А. Шахматов, «по сообщению патерика <...> Моисей пробыл в Польше 11 лет», а «на двенадцатый год освободился». Но если прибавить 12 к 1018 г., когда Болеслав взял Киев и захватил в плен Предславу с ее окружением, то получится 1030, т. е. как раз тот год, которым летописец не вполне верно датировал народное восстание в Польше (Там же. С. 187). Иначе говоря, влияние жития Антония можно проследить не только в содержании и форме, но и в хронологической сетке летописного рассказа.

Однако оба изложенных рассуждения уязвимы. Как справедливо отметил В. Д. Королюк, в Слове о преподобном Моисее присутствует ссылка на летопись («якоже и в летописцы поведають» – ДП 1999. С. 52; Королюк 1952. С. 72). Но зачем кому-то из агиографов понадобилось обращаться к летописи, если в их распоряжении уже имелось вполне убе-

дительное объяснение неожиданного освобождения Моисея Угрина из польского плена, пусть и продиктованное не «объективной действительностью», а художественной логикой? Как минимум таким же вероятным, как и построение А. А. Шахматова, оказывается зеркальный сценарий: составитель слова, вошедшего в патерик (а возможно и автор жития Антония), не знал, как именно Моисею удалось избавиться от преследований со стороны «лукавой жены» и Болеслава, и обратился за справкой к летописи, где нашлась разгадка в виде известия о случившемся в Польше мятеже. Другими словами, не только житие могло быть источником летописи, но летопись могла быть ориентиром, как минимум, для патерика. В свою очередь, хронологический расчет исследователя опирается на фразу из Слова о Моисее, гласящую (по версии А. А. Шахматова) «въ плънении въ юзахъ лѣтъ 5, шесть же лѣтъ за чистоту». Между тем, в ряде рукописей патерика вместо слов *шесть лѣтъ* читается *6-е лѣто* («5 лѣтъ въ плънь страдавъ окованъ, 6-е лѣто за чистоту страдавъ», ср. илл. 1; ср. также: ДП 1999. С. 53). А. А. Шахматов утверждал, что чтение *шестое лето* свойственно только Кассиановским редакциям Киево-Печерского патерика, появившимся во второй половине XV в. (Шахматов 2002–2003. Кн. 1. С. 184, прим. 1). Однако рукопись Московской духовной академии № 215, представленную на илл. 1, специалисты относят к более ранней Арсеньевской редакции (ДП 1999. С. 275), а публикация Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова, также поддерживающая данное чтение, основана на списках самой древней редакции, Основной (Там же. С. 309–311). Если же прибавить к 1018 г. не 11 лет, а 6, то датой восстания в Польше окажется не 1030, а 1024 г., и это не позволит возводить летописную датировку событий в Польше к реконструируемому на основании патерика житию.

Илл. 1. Фрагмент Киево-Печерского патерика с хронологией пребывания Моисея Угрина в плену по рукописи НИОР РГБ. Ф. 173/1. Ед. хр. 215. Л. 145 (на основании электронной копии, размещенной по адресу <https://lib-fond.ru/lib-rgb/173-i/f-173i-215>).

Еще два гипотезы об источниках статьи 6538 г. были предложены в работе В. Д. Королюка. Во-первых, исследователь допустил, что у кого-то из летописцев оказалась под рукой «светская» повесть, посвященная «горькой судьбе» плененной Болеславом Предславы. В таком сочинении «могли найти себе место и более или менее подробные све-

дения о Польше», заимствованные в летописный рассказ (Королюк 1952. С. 72). Во-вторых, В. Д. Королюк обратил внимание на концовку Слова о преподобном Моисее, где, со ссылкой на житие уже не Антония, а Феодосия Печерского, говорится о заступничестве жены князя Изяслава Ярославича, Гертруды за братию Киево-Печерского монастыря (Там же. С. 72–74). Изяслав, который в 1054 г. занял киевский престол после смерти своего отца, был недоволен тем, что монахи приняли в обитель сына боярина Иоанна, а также княжеского евнуха по имени Ефрем. Гнев князя едва не закончился изгнанием Антония и его учеников, однако «княгини его (т. е. Изяслава. – Д. Д.), ляховица суши, возбрани ему, глаголющи: „Не мысли, ни сотвори сего. Сице бо сотворися в нашей земли: нькоеа ради вины изгнани быша черноризци, велико зло сотворися в Лясах”» (ДП 1999. С. 53; ср. тот же эпизод в житии Феодосия: БЛДР. Т. 1. С. 372). По мнению В. Д. Королюка, Гертруда пересказала своему мужу некий польский «источник», который параллельно стал известен русским книжникам, использовавшим его данные как для житийных произведений, так и для очередной летописной статьи.

Существование светской повести о Предславе представляется маловероятным. Если на житие Антония в одном только Киево-Печерском патерике имеется семь ссылок (Шахматов 2002–2003. Кн. 1. С. 183–184), то история страданий сестры Ярослава не фигурирует как самостоятельное произведение ни разу. «Богатая традиция о Предславе» (Borawska 2013. S. 47, przypis 155) сводится к нескольким упоминаниям, органически связанным с логикой содержащих их повествований⁴, и даже дата смерти княгини определяется с допуском в несколько десятилетий («после 1018 / до 1042») на том единственном основании, что «в 1042 г., когда поляки вернули 800 пленных, Предславы среди них уже не было» (Войтович 2006. С. 272, 273). Как и многие другие представительницы рода Рюриковичей, княгиня Предслава была значимой фигурой в обществе, но это не значит, что она обязательно удостоилась собственной биографии, следовательно, и числить такую биографию в источниках летописного рассказа нельзя. Еще больше вопросов оставляет догадка В. Д. Королюка о польском источнике статьи 6538 г.: непонятна ни жанровая природа, ни объем этого сочинения, ни путь, которым такого рода произведение могло бы попасть из Польши на Русь. В то же время летописцы конца XI в. могли не только прочитать, но и услы-

---

⁴ Кроме знакомства с Моисеем Угрином и польского плена мы знаем о письме (письмах?) Предславы к Ярославу с сообщением о смерти Владимира и действиях Святополка (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 135, 140–141), а также – причем только из Новгородской Карамзинской и сходных с ней летописей – о том, что Болеслав сделал Предславу своей наложницей (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 108; Т. 42. С. 61).

шать о событиях в соседней стране, побеседовав с кем-то из очевидцев мятежа, кто оставался в живых достаточно долго. Представляется, что в роли такого собеседника могла выступить княгиня Гертруда.

Влияние на летописцев кого-то из ближайшего окружения князя Изяслава заметно в повествовании о событиях 70-х – 80-х гг. XI в. Составитель статей 6575 (1067) – 6577 (1069) гг. не скрывает от читателей, что преемник Ярослава на киевском столе совершал весьма неблагоприятные поступки. В 1067 г. Изяслав вместе с братьями Святославом и Всеволодом обманом захватил и заточил в тюрьму полоцкого князя Всеслава (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167). В 1069 г. сын Изяслава, Мстислав, едва ли не с ведома отца, «без вины погуби, не испытавъ» киевлян, примкнувших к народному восстанию (Там же. Стб. 173–174). Однако начиная с 6581 (1073) г. настроения летописцев меняются. Книжники резко осудили братьев Изяслава, в 1073 г. изгнавших правителя из Киева: в соответствующей летописной статье зачинщик конфликта, Святослав Ярославич обвинен во властолюбии и нарушении «заповеди отней», а сам заговор приписывается дьявольским козням (Там же. Стб. 182). Сообщая далее о том, как изгнанный князь неудачно просил помощи у правителя Польши Болеслава Щедрого, летописец отмечает, что поляки присвоили деньги Изяслава⁵, и это обвинение совпадает с упреком, который высказан Болеславу в письме папы Григория VII⁶, и который, скорее всего, подсказал папе римскому сын Изяслава Ярополк, посетивший Рим в апреле 1074 г. (результатом этого визита стало послание папы «королю Руси» – *Das Register* 1920–1923. Bd. 1. S. 236–237; рус. пер.: ДРЗИ. Т. 4. С. 112–114). Под 6586 (1078) г. помещены развернутое описание похорон Изяслава и прочувствованный некролог, где, примечательным образом, отрицается вина князя в бессудной расправе 1069 г. («аще ли кто дѣеть вы „сѣчець исѣче“, то не сѣ то створи, но сынѣ его» – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 202). Наконец, под 6594 (1086) г. находится столь же развернутое описание похорон Ярополка, переходящее в столь же прочувствованный некролог: «Такъ бяше блаженый сѣ князь: тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣи Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта. И моляше Бога всегда, глаголя: „Господи Боже мои, приими молитву мою и дажь ми смѣрть, якоже двѣма братома моима, Борису и Гльбу, от чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, [и] избуду суетнаго сего свѣта и мятежа сѣти вражии“, – егоже прошенья не лиши его благыи Богъ. Въсприя благая она, ихже око не видѣ, ни ухо

---

⁵ «Иде в Ляхы со имѣнемъ многимъ <...>, еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183).

⁶ «Среди прочего, вам следует блюсти любовь, которую <...> вы нарушили, отняв деньги у короля Руси» (*Das Register* 1920–1923. Bd. 1. S. 235; рус. пер.: ДРЗИ. Т. 4. С. 112).

слыша, ни на сърдыце челоуьку не взиде, еже уготова Богъ любяшимъ его» (Там же. Стб. 207). После 1073 г. Изяслав был киевским князем лишь в краткий период с 15 июля 1077 по 3 октября 1078 г. (Там же. Стб. 199, 202); Ярополк же, по доброй воле правившего в Киеве с 1078 г. Всеволода Ярославича, занимал стол во Владимире Волынском (Там же. Стб. 204, 205). Иначе говоря, политическая карьера что отца, что сына переживала в 70–80-е гг. XI в. далеко не лучше времена. Это не позволяет списывать изменение позиции книжников на лояльность сильным мира сего. Симпатии летописцев к Изяславу и Ярополку необходимо объяснять чем-то еще.

По мнению А. В. Назаренко, «в конце жизни» Изяслав сам «был частым гостем» в основном центре летописного дела XI в. – Киево-Печерском монастыре, – так что как минимум «сведения о зарубежных мытарствах князя восходят к его собственным рассказам» (Назаренко 2013. С. 356). Однако противоречия между Изяславом и печерской братией не ограничивались упомянутым выше конфликтом вокруг пострижения двух человек из княжеской свиты. Еще одна стычка имела место в 1067–1069 гг., когда монахи поддержали Всеслава и восставших против Изяслава киевлян, после чего «нача гнѣватися Изяслав на Анто́нья» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 193; ср.: ДП 1999. С. 78). Можно, конечно, допустить, что в последние месяцы жизни князь помирился с обителем, но свидетельств подобных изменений в нашем распоряжении нет. Кроме того, в летописи детально описана гибель Ярополка Изяславича в 1086 г.⁷, рассказать о которой скончавшийся восемью годами раньше Изяслав физически не мог.

Напротив, жена Изяслава Гертруда не только ходатайствовала за печерян перед мужем, но и упоминала Ярополка в молитвах собственного сочинения, сохранившихся в составе т. н. Псалтири Эгберта (см. подробнее: Назаренко 2001. С. 566–567; 2009. С. 278; 2016а. С. 87, 126–127). В 1085 г. Ярополк, «послушавъ злыхъ свѣтникъ», выступил против своего дяди Всеволода. Сын Всеволода, Владимир (будущий Мономах), отправленный с отрядом навстречу мятежнику, захватил княгиню в Луцке и доставил в Киев (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 205), где она, видимо, была помещена в один из монастырей (Назаренко 2016а. С. 129). Пребывание Гертруды в Киеве в середине 1080-х гг. едва ли носило характер долговременного ареста или, как выражается А. В. Назаренко, «плена» (ср.: Назаренко

---

⁷ «Иде Звенигороду и, не дошедшу ему града, и прободенъ бысть от проклятаго Нерадыя, от дьяволя наученья и от злыхъ челоуькъ. Лежащо и ту на возъ, саблюю с коня прободе и мѣсяца ноямбрия въ 22 днь, и тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю и возпи великымъ гласомъ: „Охъ, тот мя враже улови“» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206).

2009. С. 278; 2016. С. 128): из Поучения Владимира Мономаха следует, что незадолго до гибели Ярополк отказался от политических притязаний⁸, а значит давление на близких потенциального претендента на престол потеряло смысл. Однако если Гертруда пользовалась хотя бы относительной свободой, то она могла и поговорить с кем-то из будущих летописцев, который под влиянием таких бесед проникся благоприятной ее мужу и сыну точкой зрения на события предшествующих двух десятилетий.

Более того, интересы и творческая активность книжников конца XI в. не ограничивались только изложением актуальных событий. В это время была переработана начальная часть летописи – на смену краткому рассказу о разделении земли между сыновьями Ноя пришло «предисловие», начинавшееся со слов «како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время» и поместившее Русь в «„имперско-эсхатологическую” перспективу» (Гиппиус 2012. С. 55; 2006. С. 78–79; аргументация и анализ предшествующей литературы: Гиппиус 2006. С. 57–69). Важным компонентом этого нового «предисловия» было противопоставление язычества и христианства: «куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах, нынѣ же паки туды святыя церкви златъверхия каменозданныя стоят, и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ исполнено бысть» (ПСРЛ. Т. 3. С. 103). В таком контексте опыт восстания 1030-х гг. в Польше, которое носило если не прямо антихристианский, то – во всяком случае – антиклерикальный характер («избиша епископы, и попы»), приобретал особое значение. Но значит, появлялся стимул расспросить собеседницу-«ляховицу» не только о делах ее мужа и сына, но и о событиях более ранних времен, тем более, что Гертруда уже зарекомендовала себя как носитель подобного рода знаний, ссылаясь на польские события, отстаивая интересы монахов Печерского монастыря.

Некоторым препятствием для предлагаемой гипотезы может стать то, что книжники, знавшие о делах Польши второй четверти XI в. от такого осведомленного информатора, каким должна была быть вдовствующая княгиня, допустили грубую генеалогическую ошибку при реконструкции переговоров Ярослава и Казимира, назвав Болеслава Храброго отцом Казимира, а не дедом (табл. 1, строки 6–7 по Новгородской Карамзинской и Софийской I летописям; и Казимир, и Гертруда были детьми сына Болеслава Мешка II Ламберта). Однако А. В. Назаренко справедливо отметил, что «литературная форма» речи Ярослава, особенно в сочетании с анахронизмом, «выдает <...> позд-

---

⁸ «На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды и любовь велику створихом» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248).

нейшее происхождение» соответствующего фрагмента (Назаренко 2016б. С. 639). Судя по всему, в тексте XI в. походы Ярослава на мазовшан и возвращение из Польши пленных подавались в качестве событий одновременных, но не связанных, аналогично тому, как это можно видеть в Лаврентьевской и сходных под 6551 (1043), или в Новгородской I под 6555 (1047) г. Поскольку же логическая связь напрашивалась, то позднейший переписчик решил ее восстановить, додумав обращение Ярослава к Казимиру, а в процессе (что типично для такого рода риторических упражнении) допустил фактографическую ошибку.

Предлагаемая гипотеза о Гертруде как собеседнице одного из летописцев XI в., естественно, оставляет определенные вопросы. В частности, специфический угол зрения, избранный в рамках данного исследования, не позволяет с полной определенностью назвать тот конкретный этап развития летописного текста, на котором были получены и использованы почерпнутые от княгини сведения; выработка аргументированной авторской позиции по данной проблеме потребовала бы критически пересмотреть значительный блок существующих представлений о начальных этапах развития древнерусского летописания, что физически невозможно в ограниченных объемах журнальной статьи. Вместе с тем, представляется важным подчеркнуть, что круг информаторов печерских историописателей не ограничивался насельниками монастыря и одним-двумя знатными дружинниками. В число лиц, чьи рассказы влияли на летописное понимание событий, могли входить также и иноземные княгини, прибывавшие на Русь в рамках типичных для средневековья династических браков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- БЛДР – Библиотека литературы древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997. [Biblioteka literatury drevney Rusi. T. 1: XI–XII vv. (The Library of Old Rus Literature. Vol. 1: 11–12th cc.). St-Petersburg, 1997.]
- Войтович Л. В. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. [Voytovych L. V. Knyazha doba: portrety elity (Princely Times: Portraits of the Elite). Bila Tserkva, 2006.]
- Гимон Т. В. События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 г.: Предпосылки и пути образования древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703. [Guimon T. V. Sobytiya XI – nachala XII v. v novgorodskikh letopisyakh i perechnyakh (The Eleventh- and the Early Twelfth-Century Events in Novgorodian Chronicles and Lists) // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy,

- 2010 god: Predposylki i puti obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva. Moscow, 2012. S. 584–703.]
- Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 56–96. [*Gippius A. A.* Dva nachala Nachal'noy letopisi: k istorii kompozitsii Povesti vremennykh let (Two Beginnings of the *Primary Chronicle*: Towards the History of the Composition of the *Tale of Bygone Years*) // Verenitsa liter: k 60-letiyu V. M. Zhivova. Moscow, 2006. S. 56–96.]
- Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–62. [*Gippius A. A.* Do i posle Nachal'nogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak ob'ekt tekstologicheskoy rekonstruktsii (Before and after the Initial Compilation: the Early Chronicle History of Rus' as an Object of Textological Reconstruction) // Rus' v IX–X vekakh: arkhologicheskaya panorama. Moscow; Vologda, 2012. S. 37–62.]
- Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев, 1988. [*Golovko A. B.* Drevnyaya Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X – pervoy treti XIII v. (Old Rus' and Poland in the Political Interrelations of the 10th – first third of the 13th cc.) Kiev, 1988.]
- ДП – Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. [Drevnerusskiye pateriki: Kiyev-Pecherskiy paterik. Volokolamskiy paterik (Old Rus Patericons: Kyiv-Pechersk Patericon. Volokolamsk Patericon) / Izd. podgot. L. A. Olshevskaya i S. N. Travnikov. Moscow, 1999.]
- ДРЗИ – Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / Под ред. А. В. Назаренко. М., 2010. [Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: khrestomatiya. T. 4: Zapadnoyevropeyskiye istochniki (Old Rus' as Shown in the Foreign Sources: a Reader. Vol. 4: Western Sources) / Pod red. A. V. Nazarenko. Moscow, 2010.]
- Королюк В. Д.* Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037–1038 гг. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: сборник статей. М., 1952. С. 69–75. [*Korolyuk V. D.* Letopisnoye izvestiye o krest'yanskom vosstanii v Pol'she v 1037–1038 gg. (A Chronicle Note on the Peasant Uprising in Poland of 1037–1038) // Akademiku B. D. Grekovu ko dnyu semidesyatiletiya: sbornik statey. Moscow, 1952. S. 69–75.]
- Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. [*Mikheyev S. M.* Kto pisal «Povest' vremennykh let»? (Who Wrote the Rus *Primary Chronicle*?) Moscow, 2011.]
- Михеев С. М.* Две редакции Начального свода в новгородских летописях XII и XV вв. (к истории текста Начальной летописи) // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 168–217. [*Mikheyev S. M.* Dve redaktsii Nachal'nogo svoda v novgorodskikh letopisyakh XII i XV vv. (k istorii teksta Nachal'noy letopisi) (Two Redactions of the Initial Compilation in Novgorodian Chronicles of the 12th and 15th cc. (Towards the History of the *Primary*

- Chronicle*) // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. Velikiy Novgorod, 2020. Выр. 19 (29). S. 168–217.]
- Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. [*Nazarenko A. V.* Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: mezhdistsiplinarnyye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vekov (Old Rus' on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade and Political Relations of the 9–12th cc.). Moscow, 2001.]
- Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне: историко-филологические исследования. М., 2009. [*Nazarenko A. V.* Drevnyaya Rus' i slavyane: istoriko-filologicheskiye issledovaniya) (Old Rus' and the Slavs: Historical and Philological Studies). Moscow, 2009.]
- Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников: [учеб. пособие] / Под ред. Е. А. Мельниковой. 2-е изд. М., 2013. С. 249–426. [*Nazarenko A. V.* Zapadnoevropeyskiye istochniki (Western Sources) // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: [ucheb. posobiye] / Pod red. E. A. Melnikovoy. 2-ye izd. Moscow, 2013. S. 249–426.]
- Назаренко А. В.* «Кодекс Гертруды» после Гертруды: судьба книги на династических перекрестках XII в. // Polystoria: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 85–136. [*Nazarenko A. V.* «Kodeks Gertrudy» posle Gertrudy: sud'ba knigi na dinasticheskikh perekrestkakh XII v. (A Gertrude's Codex after Gertrude: the Fate of the Book at the Dynastic Crossroads of the 12th c.) // Polystoria: tsari, svyatyye, mifotvortsy v srednevekovoy Yevrope. Moscow, 2016. S. 85–136.] (а)
- Назаренко А. В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 593–654. [*Nazarenko A. V.* Dostovernyye godovyye daty v rannem letopisanii i ikh znachenie dlya izucheniya drevnerusskoy istoriografii (Verifiable Annual Dates in the Early Rus Chronicles and Their Significance for the Study of Historical Writing in Rus) // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy, 2013 god: Zarozhdeniye istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya. Moscow, 2016. S. 593–654.] (б)
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. [Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 1: Lavrent'yevskaya letopis'. Moscow, 1997. T. 2: Ipat'yevskaya letopis'. Moscow, 1998. T. 3: Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow, 2000.

Т. 4, ch. 1: Novgorodskaya chetvertaya letopis'. Moscow, 2000. Т. 6, вып. 1: Sofiyskaya pervaya letopis' starshego izvoda. Moscow, 2000. Т. 9: Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu. Moscow, 2000. Т. 38: Radzivilovskaya letopis'. Leningrad, 1989. Т. 42: Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'. St-Petersburg, 2002. (The Full collection of Rus Chronicles. Vol. 1: Laurentian Chronicle. Vol. 2: Hypatian Chronicle. Vol. 3: Older and Younger Redaction of the First Novgorodian Chronicle. Vol. 4, part 1: Fourth Novgorodian Chronicle. Vol. 6, issue 1: Older Redaction of the First Sophia Chronicle. Vol. 9: A Chronicle Collection Named Patriarchal, or Nikon's Chronicle. Vol. 38: Radziwil Chronicle. Vol. 42: Karamzin's Novgorodian Chronicle).]

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. СПб., 2002–2003. Кн. 1–2. [*Shakhmatov A. A.* Istoriya russkogo letopisaniya. Т. 1: Povest' vremennykh let i drevneyshiye russkiye letopisnyye svody (History of Rus Chronicle Writing. Vol. 1: The Tale of Bygone Years and the Oldest Rus Chronicle Compilations). St-Petersburg, 2002–2003. Кн. 1–2.]

Borawska D. Kryzys monarchii wczesnopiastowskiej w latach trzydziestych XI wieku. Warszawa, 2013.

Das Register Gregors VII / Hrsg. von E. Caspar. Berlin, 1920–1923. Bd. 1–2. (MGH. Epp. sel. 2).

Labuda G. Mieszko II król Polski (1025–1034): czasy przełomu w dziejach państwa polskiego. Poznań, 2008.

Информация об авторе

ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ДОБРОВОЛЬСКИЙ
кандидат исторических наук, доцент
Национального исследовательского
университета «Высшая школа эконо-

Российская Федерация, 105066,
г. Москва, ул. Старая Басманная,
д. 21/4

e-mail: ddobrowolski@hse.ru

ORCID: 0000-0001-5581-6902

Information about the author

DMITRY A. DOBROWOLSKI
PhD, Cand.Sc. (Hist.), associate pro-
fessor National Research University
“Higher School of Economics”

Russian Federation, 105066, Moscow,
Staraya Basmannaya str., 21/4

e-mail: ddobrowolski@hse.ru

ORCID: 0000-0001-5581-6902

Таблица 1. Польша и смежные регионы в летописных статьях 1030–1040-х гг.

	Содержание известия	Датировка и текст по			
		Лаврентьевской (с дополнениями издателя по Радзивиловской)	Новгородской I младшего извода	Новгородской Карамзинской	Софийской I
1.	Взятие Белза	В лето 6538. Ярославъ Б[ел]зы взялъ (149).	(нет)	В лето 6538. Ярослав взял Бѣлзы (63).	В лето 6538. Великий князь Ярославъ Бѣлзы взялъ (175–176).
2.	Смерть Болеслава и народное восстание (датировку, текст и обсуждение вариантов см. в основной части статьи).				
3.	Поход на червенские города	В лето 6539. Ярославъ и Мстиславъ собрата вои много, идоста на ляхи, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхи приведоста. И, раздѣлившя я, Ярославъ посади [своя] по Рьси (150).	(нет)	В лето 6539. Ярослав и Мстислав събра вои многы, и идоста на ляхи, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхи приведоста, и раздѣлиша я. Ярослав посади по Рси, и суть и до сего дне (63).	В лето 6539. Великий князь Ярославъ и Мстислав събратва вои многы и идоша на ляхи, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваша Лядскую землю, и многы ляхи приведоша, и раздѣлиша я. Великий князь Ярославъ посади псари, и суть и до сего дъни (176).
4.	Поход на ятвягов	В лето 6546. Ярославъ иде на ятвягы (153).	(нет)	В лето 6546. Иде Ярослав к Киеву веснь, а на зиму ходи на ятвягы, и не може их взяти (64).	В лето 6546. Иде веснь великий князь Ярославъ къ Киеву, а на зиму ходи на ятвягы, и не можааху ихъ взяти (178).
5.	Поход на литовцев	В лето 6548. Ярославъ иде на литву (153).	(нет)	(нет; 6548 год пропущен)	В лето 6548. Ярославъ иде на литву (178).
			В лето 6552. Ходи Ярославъ на литву (181).	В лето 6552 <...>. Ходи Ярослав на литву (64).	В лето 6552 <...>. Ходи Ярославъ на литву (180).
6.	Поход(ы) на мазовшан в ладьях	В лето 6549. Иде Ярославъ на мазовъшаны въ лодьяхъ (153).	(нет)	В лето 6549 <...>. Тои же осени дасть Ярослав сестру свою за	В лето 6549. Иде князь Ярославъ на мазавшене в

	Содержание известия	Датировка и текст по			
		Лаврентьевской (с дополнениями издателя по Радзивиловской)	Новгородской I младшего извода	Новгородской Карамзинской	Софийской I
				Казимира. И в та лѣта обидяше Моислав Казимира, и ходи Ярослав двожды на мазовшаны в лодях, и рече Казимиру: «Елико отецъ твои Болеслав, побѣдив мене, и полонил люди моих за ся, то вдаи ми за вѣно». И събра Казимиръ людии его, руси полоненыхъ 800, кромѣ жен и дѣтей, и вда за вѣно Ярославу, шурину своему (64).	лодияхъ (178).
7.	Женитьба Казимира Восстановителя на сестре Ярослава	В лѣто 6551 <...> В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира. И вдасть Казимиръ за вѣно людии 8 сотъ [еже бо полонилъ Болеславъ, победив Ярослава] (154–155).	(нет)	Казимира. И в та лѣта обидяше Моислав Казимира, и ходи Ярослав двожды на мазовшаны в лодях, и рече Казимиру: «Елико отецъ твои Болеслав, побѣдив мене, и полонил люди моих за ся, то вдаи ми за вѣно». И събра Казимиръ людии его, руси полоненыхъ 800, кромѣ жен и дѣтей, и вда за вѣно Ярославу, шурину своему (64).	В се лѣто 51 <...>. Тое же осени дасть великий князь Ярославъ сестру свою за Казимера. И в та лѣта обидяше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ двожды на мазовшаны в лодияхъ, и рече Казимиру: «Ели отецъ твои Болеславъ побѣдивъ мене и полонилъ люди моя за ся, тогда ими за вѣно». И собра Казимиръ людии его, руси полоненыхъ 800, кромѣ женъ и дѣтей, и вда за вѣно Ярославу, шурину своему (179).
8.	Женитьба Изяслава Ярославича на сестре Казимира	(нет)	(нет)	В лѣто 6549 <...>. Сеи же Казимиръ вда сестру свою за Изяслава, сына Ярославля (64).	В се лѣто 51 <...>. Се же Казимеръ вдасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля (179).
9.	Разгром мазовшан	В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовшаны и побѣди е, и князя ихъ уби Моиславъ, и покори я Казимиру (155).	В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовшаны и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру; тогда дасть Казимиръ 800 людии Руси полоненыхъ Ярославу шурину (181).	В лѣто 6555. Иде Ярослав третье на мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори землю ту Казимиру (64).	В лѣто 6555. Иде Ярославъ третее на мазавшаны и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, покори землю ту Казимиру (180).

Цифры в скобках после текста обозначают страницу или столбец соответствующего тома ПСРЛ.